

САНИТАРНО-ЭПИДЕМИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

В статье рассматривается санитарно-эпидемическая обстановка в Беларуси в условиях нацистской оккупации. На основе обширной базы источников показаны профилактические мероприятия коллаборационной администрации, направленные на предотвращение эпидемий. Констатируется, что, несмотря на комплекс профилактических мероприятий, санитарно-эпидемическая ситуация оставалась сложной, постоянно наблюдался рост инфекционных заболеваний и распространение эпидемий.

The article dwells on the sanitary-epidemiological situation in Belarus during Nazi occupation. Preventive measures of the administration of collaborationists, that help to prevent epidemic are considered on the vast basis of sources. It is pointed out that in spite of the complex of the preventive measures sanitary-epidemiological situation remained difficult, infectious diseases and epidemics took constantly place.

Ключевые слова: нацистская оккупация, санитарно-эпидемическая обстановка.

Keywords: Nazi occupation, sanitary-epidemiological situations.

Нацистская оккупация обернулась для жителей Беларуси резким ростом эпидемических заболеваний. Распространение эпидемий среди гражданского населения создавало угрозу немецкой администрации и дислоцированным в Беларуси подразделениям германской армии и полиции, вследствие чего уже с осени 1941 г. оккупационные власти были вынуждены создать санитарные службы в составе коллаборационной администрации и проводить профилактические мероприятия.

В разделе «Санитарные мероприятия по борьбе с эпидемиями среди гражданского населения» выписки из административного распоряжения № 20 от 2 мая 1942 г. командования тыловой зоны группы армий «Центр» требовалось обозначать специальными табличками на немецком и русском языках источники воды, пригодные и непригодные для питья, местные власти должны были информировать население о необходимости кипячения воды не только для приготовления пищи, но и для полоскания посуды. Уборные необходимо было регулярно посыпать

Грэбень Яўген Аляксандравіч — загадчык кафедры філасофіі і гісторыі УА «Беларускі дзяржаўны аграрны тэхнічны ўніверсітэт», кандыдат гістарычных навук, дацэнт.

хлорной известью, землей или торфом; засыпанные уборные должны были маркироваться. Требовалось содержать в чистоте места вокруг емкостей с отходами, которые закрывались крышками, не утилизируемые отходы от убоя скота закапывать в землю на глубину не менее 50 см, регулярно с короткими интервалами очищать от навоза стойла животных. Для борьбы с комарами и мухами предлагалось удалять нечистоты от жилья, засыпать лужи, закрывать крышками емкости для отходов, убирать консервные банки и другие емкости, в которых могла скапливаться дождевая вода. В целях предупреждения распространения эпидемии сыпного тифа от населения требовалось регулярно поддерживать личную гигиену, бороться со вшами. В случае выявления очага заболевания сыпным тифом глава местной администрации был обязан сообщить об этом местной комендатуре, дом заболевшего подвергался карантину и маркировался специальной табличкой [1, л. 17—17 об.].

На основании распоряжения Глубокского гебитскомиссара от 02.03.1942 городское население района было обязано следить за чистотой улиц и тротуаров около своих домов, которые должны были ежедневно очищаться домовладельцами. В сухую пору года подметать можно было, только предварительно увлажнив территорию, чтобы не загрязнять воздух пылью. Собранный мусор должен был складироваться на специальных площадках, снабженных соответствующими надписями. Запрещалось складывать навоз и мусор между домами и за заборами. Невымощенные дорожки должны были быть регулярно подметены. Главы местной администрации обязывались выделять места для стоянки повозок, на которых только и разрешалось кормление коней. Очистка территорий перед коммунальными домами, площадей и парков должна была осуществляться по возможности только евреями (без оплаты), собранными в специальные рабочие колонны [2, л. 28]. Гебитскомиссар предписывал вести борьбу с крысами, являвшимися переносчиками инфекционных заболеваний. При отсутствии ядов рекомендовалось уничтожать крыс другими способами, в частности убирать мусор, чистить подвалы, замазывать щели в полу, стенах, дверях, окнах смесью гипса и битого стекла, забивать дыры жестью. Описывалось устройство импровизированных ловушек (наклонно поставленная доска с набитыми гвоздями и утяжеленная камнем), массовая ловля крыс с помощью фонаря в замкнутом помещении, загон их в расставленные по углам мешки, банки [3, л. 16].

В письме начальника Клецкого района Грицевичской волостной управе (март 1942 г.) детально описывался способ обустройства отхожих

мест (яма 1 м глубиной, цементированная или выложенная камнями), которые требовалось дважды в неделю очищать и посыпать хлорной известью; требовалось убирать конский помет с улиц и площадей в течение двух часов; описывались способы борьбы с грызунами, чьи ходы рекомендовалось запечатывать гипсом, цементом, глиной или посыпать осколками стекла. Все мероприятия требовалось завершить к 15 марта 1942 г., после чего полиция должна была оштрафовать не выполнивших распоряжение [4, л. 17].

Начальник Лепельского района 13 марта 1943 г. предписал домовладельцам и квартиросъемщикам ежедневно с 6 до 7.30 и с 17 до 18.30 производить уборку тротуаров и прилегающих к домам участков улиц, очистить придорожные кюветы для стока талых и дождевых вод, не реже одного раза в неделю очищать и дезинфицировать хлорной известью помойные ямы и туалеты, отремонтировать срубы колодцев и сделать для колодцев крышки. Нарушителям санитарных норм грозил штраф до 500 руб., арест или принудительные работы до 14 дней [5, л. 49, 60].

В воззвании к населению за подписью Новоградского гебитскомиссара и окружного врача под заголовком «Берегите свое здоровье» давались советы, как уберечься от брюшного тифа и дизентерии, которые распространялись среди жителей округа. Рекомендовалось не употреблять сырую воду и молоко, не брать воду из колодцев, которыми пользуются люди из домов, в которых есть заболевшие, поддерживать чистоту тела, мыть посуду горячей водой, соблюдать карантинные мероприятия и, что было симптоматично, не обращаться за помощью к «знахарям, бабкам, шептунам», а слушаться советов врачей [6, л. 41].

Несмотря на многочисленные распоряжения центральных и коллаборационных властей, предписываемые санитарные меры принимались не всегда, как по причине отсутствия средств, так и из-за бездействия глав местной администрации и сопротивления самих граждан, хотя за неисполнение подобных распоряжений грозило суровое наказание. Согласно принятому в Чечерском районе в ноябре 1941 г. «Перечню проступков и взысканий по ним», содержание дворов, улиц и помещений каралось штрафом до 500 руб. [7, л. 1]. Бургомистр г. Добруша в приказе от 22.04.1942 констатировал, что приказ начальника района об очистке города практически не выполняется, и предписывал штрафовать домовладельцев, уклоняющихся от уборки улиц и дворов от мусора, на 300—500 руб. [8, л. 21]. В приказе по Холопеничской районной управе от 05.06.1943 сообщалось, что, несмотря на имеющиеся случаи заболева-

ния сыпным тифом, староста д. Копачевка не дает подвод для доставки заболевших в Холопеническую больницу. Волостному бургомистру предписывалось привлечь старосту к ответственности [9, л. 419].

Городские власти Бобруйска констатировали случаи складирования отходов и нечистот в неустановленных местах. Ассенизационный обоз, мяскокомбинат и воинские части часто выгружали их на пустыри вблизи домов, что провоцировало с наступлением весны распространение различных заболеваний. В связи с этим комендант Бобруйска в своем приказе от 27 февраля 1942 г. определял разрешенные для свалок участки и приказывал начальнику конного транспорта, мяскокомбинату и другим организациям вывезти мусор в установленные места [10, л. 8].

Бургомистр Бобруйска в марте 1943 г. отмечал неудовлетворительную работу по очистке города в зимний период, в результате чего создавалась угроза для распространения брюшного тифа и дизентерии. Жилищному отделу и ассенизационному обозу было приказано немедленно приступить к очистке улиц, дворов, свалок. Базарному отделу предписывалось в трехдневный срок очистить рыночную площадь и прилегающие к ней улицы. Жилищный отдел обязывался через домоуправления потребовать от граждан немедленно ликвидировать все уборные с берегов рек Бобрулька и Днепрец и запретить в дальнейшем постройку их по берегам рек. Население также оповещалось о запрете загрязнения отходами русла рек под угрозой штрафа или отправки в трудовой лагерь. Домовладельцы оповещались о запрете складирования мусора на огородах. Контроль за исполнением приказа возлагался на санитарно-эпидемический отдел и полицию [11, л. 34].

В 1943 г. начальник санитарно-эпидемического отдела докладывал бургомистру Бобруйска о санитарной ситуации по ул. Гоголевской, где немецкий военный госпиталь устроил свалку послеоперационных отходов (ампутированные конечности, окровавленные бинты), которые зарывались неглубоко и растаскивались собаками по городу. Начальник отдела ходатайствовал о закрытии свалки. В другом случае, в марте 1943 г. начальник санитарно-эпидемического отдела докладывал городскому управлению, что в лагере беженцев лежит павшая лошадь, издающая зловонный запах, и просил дать распоряжение дезинфекционным бюро засыпать труп хлорной известью [12, л. 41, 38].

Санитарная ситуация в Могилеве видна из протокола от 23.05.1942, составленного на жильцов дома № 29 по Большой Садовой. Комментируя причину составления протокола, начальник 2-го жилищного участка сообщал, что жильцы этого дома (70 квартиросъемщиков), несмотря

на неоднократные предупреждения, загрязняют двор и выливают нечистоты с верхнего этажа прямо на землю, и ежедневно образуется груда нечистот [13, л. 291, 293].

Наложение штрафов за антисанитарию вызывало протест граждан и порой приводило к длительным препирательствам в виде переписки с органами власти. Так, 3 мая 1943 г. начальник Новогрудского района наложил штраф в размере 100 руб. на гражданку за антисанитарное состояние уборной и двора. Оштрафованная гражданка пыталась обжаловать решение, но, по мнению бургомистра, не привела веских доводов в свою пользу, поэтому 12 мая 1943 г. начальник района подтвердил свое решение о штрафе [14, л. 2, 12]. Тогда же было подтверждено и решение о штрафе в 100 руб. гражданки за антисанитарное состояние уборной и двора. Тем не менее оштрафованная еще дважды пыталась оспорить решение. 24 мая 1943 г. она направила заявление в Новогрудскую районную управу, в котором просила отменить штраф, так как сама она, 70-летняя старуха, получающая пособие, была не согласна платить штраф наравне с остальными жильцами дома (проживало более 30 чел.). Заявительница указывала, что некоторые семьи имеют свиней и кур и оплата штрафа наравне с остальными была бы несправедливостью, к тому же у нее нет денег на штраф. 7 октября 1943 г. гражданка обратилась с аналогичным заявлением уже непосредственно на имя начальника районной управы [14, л. 3, 16]. В аналогичном случае 20 июля 1943 г. на имя начальника Новогрудской управы поступило заявление о снятии штрафа за антисанитарию жильцов одного из домов, оштрафованных на 200 руб. каждый. Граждане отмечали, что выполнили свою часть очистки уборной, за исключением одного жильца, и просили снять с них штраф [15, л. 18]. В аналогичном заявлении житель Новогрудского района просил снять с него наложенный 29 декабря 1943 г. штраф за антисанитарное состояние подворья в размере 15 марок, мотивируя своим бедственным положением [16, л. 88].

Сложная ситуация существовала в сфере общественного питания и торговли. В Бобруйске распоряжение об обязательной санитарной проверке работников пищевой промышленности было издано уже 8 сентября 1941 г. Очевидно, коллаборационная администрация просто воссоздавала существовавшую до войны практику санитарного контроля, игнорировать который означало бы поставить под угрозу отравления население города, оккупационную администрацию и подразделения вермахта. На заведующего отделом снабжения городского управления возлагалась обязанность обеспечивать ежемесячную явку всех работни-

ков предприятий и учреждений пищевой промышленности в центральную лабораторию для прохождения проверки. На каждого работника заводилась специальная книжка, в которой фиксировались сроки и результаты проверок [17, л. 74]. К октябрю 1941 г. Временное управление Бобруйска дважды издавало распоряжения относительно выделения вещей со складов в магазины для последующей продажи только после предварительной дезинфекции, проводимой санитарным отделом. Данная практика, по мнению бургомистра, должна была препятствовать распространению вшей [18, л. 57]. 22 октября 1941 г. городской врач жаловался Бобруйскому городскому голове на отсутствие положения об ответственности виновных в нарушении санитарных правил и прав у работников санитарного надзора привлекать виновных к ответственности, притом что нарушения в городе имелись, например создание несанкционированных свалок в черте города, отказ от обязательного медосмотра работников пищевой промышленности [18, л. 46]. Очевидно, сразу после данного обращения городской голова издал постановление о взимании штрафов за нарушение санитарных правил, согласно которому санитарный врач имел право накладывать штраф на сумму 5—20 марок [18, л. 82—82 об.].

В условиях дефицита продуктов питания коммунальные и частные столовые, чайные, продуктовые ларьки могли реализовывать испорченную продукцию. Бургомистр г. Орши в письме к городскому санитарному врачу 26 марта 1942 г. отмечал, что используемое в учреждениях общественного питания мясо зачастую не проходит санитарного надзора или осматривается уже в виде полуфабрикатов, когда выявить заболевание животного было сложно, что могло вызвать болезни у людей. От санитарного врача требовалось своевременно производить осмотр мясных продуктов и лично присутствовать при засолке мяса. Он же в письме к чиновнику, ответственному за общественное питание, констатировал антисанитарное состояние в столовых, кухнях, разделочных, что с наступлением весны могло вызвать распространение инфекций, и требовал не позднее 1 апреля 1942 г. привести их в порядок [19, л. 1—2]. Та же картина наблюдалась и на рынках, где, несмотря на декларируемый санитарный контроль, в продажу поступали продукты, не прошедшие осмотр. 29 января 1944 г. фельдшер Дома грудного ребенка в Бобруйске подал рапорт начальнику горздравотдела, сообщая, что накануне у 11 детей появилась рвота, головная боль и высокая температура. Фельдшер подозревал отравление повидлом, которое выдавалось детям намазанным на хлеб, или грибами, из которых был приготовлен суп [20,

л. 62]. В результате городской санитарный врач направил на исследование в химико-бактериологическую лабораторию 400 г повидла и 50 г сушеных грибов с описанием клинической картины: через 4—7 часов после приема пищи у детей начиналась рвота и головная боль, на следующий день поднялась температура [20, л. 54]. Городской санитарный врач Бобруйска в письме к начальнику торгово-промышленного отдела Бобруйской городской управы 16 февраля 1944 г. отмечал необходимость осмотра продаваемых на базаре продуктов и просил дать распоряжение дирекции рынка вменить в обязанность сборщиков поместной платы и закрепленных за рынком полицейских проверять наличие у торговцев квитанций с результатами проверки [20, л. 59].

Чтобы минимизировать распространение инфекционных заболеваний, оккупационные власти вынуждены были проводить вакцинацию и санитарную обработку гражданского населения, которые порой могли носить принудительный характер. 24 марта 1942 г. в г. Слониме было объявлено о начале прививок от оспы новорожденным детям от 5 месяцев и повторной прививки от дифтерии детей от 10 месяцев до 8 лет [21, л. 25]. На основании распоряжения Барановичского гебитскомиссара от 25 августа 1943 г. предписывалось в обязательном порядке произвести вакцинацию против дифтерии всех детей г. Барановичи 1936—1942 года рождения. Вакцинация производилась 6—11 сентября 1943 г., в первый день являлись дети, чьи фамилии начинались на А—Д, во второй день — на Е—К и т. д. Детям, привитым в предыдущем году, необходимо было явиться на третью часть вакцинации [6, л. 39]. Бургомистр г. Глусска 28 июня 1943 г. оштрафовал 14 человек на 200 руб. каждого за неявку на повторную прививку от брюшного тифа и еще раз распорядился пройти прививку всем гражданам 15—60 лет. По окончании акции предписывалось провести проверку паспортов, и у кого в паспорте не обнаружится отметки о прививке, оштрафовать, рабочих и служащих лишить пайка или отправить в трудовой лагерь [22, л. 210]. На основании распоряжения ортскомендатуры Глусское городское управление инициировало санитарную обработку жителей г. Глусска. Каждый горожанин под угрозой штрафа в 500 руб. был обязан пройти санобработку при Глусской бане и получить специальное удостоверение. Город был разделен на 8 районов, жители которых должны были пройти санобработку с 24 мая 1944 г. по 18 июня 1944 г. [23, л. 132].

В январе 1942 г. Барановичский гебитскомиссар оповестил население округа о том, что через семь дней после обнародования данного объявления будет проведен поголовный осмотр населения на предмет

определения чистоты тела. В случае обнаружения вшей или гнид у взрослого или ребенка виновный будет наказан штрафом от 50 до 500 руб. За наличие вшей у детей ответственность несли родители. Давались рекомендации по поддержанию личной гигиены, позволяющие избежать наказания, а именно: коротко стричь волосы мужчинам и часто мыть волосы женщинам, ежедневно расчесывать волосы густым гребнем, менять белье не реже одного раза в неделю. При обнаружении вшей рекомендовалось проглаживать одежду через мокрую тряпку, если же вши обнаруживались в кожах или шубах, их следовало укладывать на один час в горячую печь, солому из тюфяков сжигать, а саму ткань проглаживать горячим утюгом [4, л. 28]. Были разработаны инструкции для комиссий по борьбе с завшивленностью. Районные и волостные управы были обязаны создать подобные комиссии для каждого населенного пункта в составе всего имеющегося медицинского персонала и учителя. Во время своей работы с 9 до 14 часов комиссия должна была совершать подворный обход, осматривая волосы на голове, одежду и белье каждого жителя. При обнаружении вшей комиссия вносила фамилию и имя виновного в специальный штрафной лист и на месте определяла размер штрафа в соответствии с материальным положением и степенью загрязнения осматриваемого гражданина. После осмотра всего населенного пункта штрафной лист передавался ближайшему посту полиции для взыскания штрафа [4, л. 29].

Бобруйское городское управление 1 марта 1942 г. издало постановление об обязательной дезинфекции общежитий, детских учреждений, кинотеатров, предприятий пищевой промышленности, источников воды, мест содержания скота. В общежитиях требовалось производить санобработку два раза в месяц, в школах, банях, душевых установках, кинотеатрах — 4 раза в месяц. Хлорирование предприятий пищевой промышленности, водохранилищ — ежедневно, других предприятий — через день [24, л. 16]. На основании распоряжения бургомистра Бобруйска городскому населению независимо от возраста и занятий предписывалось пройти санитарную обработку с целью профилактики сыпного тифа. Санитарную обработку планировалось начать с 10 декабря 1943 г. ежедневно (включая праздничные дни) с 7.00 до 15.30 в военном санитарном дезинфекционном поезде сменами по 60 человек каждые полчаса. Граждане должны были иметь при себе карточку биржи труда для отметки о прохождении санобработки, постельное белье, одежду, мыло или бутылку щелочи, полотенце. Санобработка проводилась бесплатно. Лица, проживавшие в одной квартире, должны были проходить

санобработку в один и тот же день. Граждане, не прошедшие санобработку, лишались права на получение продуктовых карточек [13, л. 21].

В декабре 1943 г. Клецкая районная управа распорядилась создать в каждой деревне контрольно-санитарные комиссии в составе трех человек для борьбы с завшивленностью, приводившей к распространению сыпного тифа. К работе комиссий привлекались учителя закрывшихся школ; на время работы члены комиссии освобождались от иных работ. Члены комиссии должны были еженедельно производить осмотр каждого дома, составлять списки завшивленных, пересылая их участковому врачу, объяснять населению способы борьбы со вшами. В случае подозрения на заболевание тифом, комиссия должна была препровождать их на врачебный осмотр, а при выявлении заболевших лиц отправлять их в районную больницу или помещать в изолятор [25, л. 76].

Носители наиболее заразных заболеваний (тиф, туберкулез, скарлатина) подлежали обязательной госпитализации, в случае отказа госпитализировались принудительно. В Браславском районе в случае обнаружения врачом подобных заболеваний или появления подозрения предписывалось в 24-часовой срок сообщать об этом районному врачу, провести обязательный осмотр заболевшего, привлекая при необходимости полицию, а также организовать дезинфекцию помещения [3, л. 63]. В Гомельском округе за отказ инфекционных больных (заболевшие сыпным или брюшным тифом, дизентерией, дифтерией и скарлатиной) от госпитализации угрожал штраф до 1000 руб. Установление диагноза и лечение инфекционных больных было бесплатным [26, л. 4].

В распоряжении бургомистра Бобруйска от 24 ноября 1943 г. отмечался рост инфекционных заболеваний, и еще раз подтверждалась необходимость принудительной госпитализации инфекционных больных, высказывалась угроза наказания родственников больного в случае отказа от госпитализации. Медицинским работникам, обнаружившим случай инфекционного заболевания, предписывалось заполнить на заболевшего экстренное извещение и лично передать его в отдел здравоохранения врачу-эпидемиологу. Управляющим домовыми участками и уполномоченным домов вменялось в обязанность сообщать в отдел здравоохранения о больных гражданах, находящихся дома без медицинских справок или не соблюдающих гигиену [13, л. 19].

Распространение инфекционных заболеваний повлекло регламентацию погребения покойников. Начальник Клецкой районной управы требовал, чтобы покойники хоронились в течение трех суток, и запрещал родственникам целовать покойников во время похорон [27, л. 76].

Еще одной мерой по предотвращению распространения эпидемий было введение ограничения на передвижение гражданского населения между территориально-административными единицами и введение карантина на определенных территориях. В связи с начавшейся в Латвии эпидемией тифа жителям Браславского района с 9 января 1942 г. был запрещен въезд на территорию генерального округа Латвия. Распоряжением начальника Браславского района и районного врача от 12 января 1942 г. в качестве карантинной меры против распространения сыпного тифа с 13 января 1942 г. на территории района до особого распоряжения были запрещены богослужения во всех церквях, костелах и молитвенных домах [28, л. 15—16]. Согласно распоряжению Барановичского гебитскомиссара от 6 мая 1943 г. в связи с эпидемией сыпного тифа в Ляховичском районе был запрещен въезд туда жителям Клецкого района, особенно жителям пограничных деревень, а также пребывание здесь жителей Ляховичского района [27, л. 120].

В декабре 1941 г. начальник Клецкого района на основании соответствующего распоряжения ортскомендатуры запретил населению собираться на базарах и вообще любые скопления людей, как-то: танцевальные вечера, посиделки с куделью. Запрещалось также перемещение населения из местностей, где выявлены заболевания сыпным тифом или есть хотя бы подозрение. Школьным учителям предписывалось два раза в неделю производить осмотр учеников на предмет наличия вшей в волосах и одежде, следить за тем, чтобы ученики не бросали одежду в одну кучу, подавать сведения о наличии вшей у учеников в районный отдел здоровья. Подъезды к населенным пунктам, в которых были зафиксированы случаи сыпного тифа, должны были помечаться специальными табличками [4, л. 18].

Эпидемия сыпного тифа на территории Беларуси носила перманентный характер, и карантинные меры не могли полностью пресечь населения между территориально-административными единицами, что способствовало распространению заболеваний. Понижало сопротивляемость человеческого организма недостаточное питание, а отсутствие предметов гигиены вызывало размножение вшей, ставших переносчиками инфекции.

Тиф часто вспыхивал в местах скопления беженцев. Огромные массы гражданского населения, принудительно перемещаемые оккупантами из прифронтовых районов или партизанских зон, продолжительное время находились в антисанитарных условиях, без какой-либо медицинской помощи. В результате к моменту расселения их на новом

месте многие оказывались носителями заразных заболеваний, угрожавших перекинуться и на местное население. Бобруйский городской отдел здравоохранения в отчете за февраль 1942 г. отмечал, что вспышка сыпного тифа наблюдалась в первую очередь среди эвакуированных из Смоленской области, в общежитии которых был введен карантин, заболевшие госпитализированы. Эвакуированные расценивались как главная угроза для здоровья местного населения, поэтому санитарный отдел дал указание бирже труда не отправлять их на работы на период карантина. Локализации эпидемических заболеваний препятствовало отсутствие сыворотки [29, л. 61—62].

Слухи об эпидемии тифа быстро распространялись среди граждан, поэтому оккупационные власти вынуждены были реагировать, комментируя масштабы эпидемии. Заболевание тифом стало оружием в пропагандистском противостоянии СССР. В одной из пропагандистских брошюр в статье «Борьба с сыпным тифом» немцы нехотя признавали случаи заболевания сыпным тифом в некоторых лагерях для военнопленных, где якобы были сразу же сделаны прививки, но слухи о заболеваниях среди немецких солдат подавались как «лживая выдумка отделения пропаганды СССР» [1, л. 15].

Таким образом, немецкая и коллаборационная администрация понимали опасность распространения инфекционных заболеваний среди гражданского населения, принимали определенные профилактические меры и пытались локализовать вспышки эпидемий. В то же время на фоне тотального дефицита продуктов питания, и как следствие, понижение иммунитета человека, дефицита медицинских работников и медикаментов, скученности населения в ходе расселения в Беларуси беженцев предпринимаемые меры не давали особого эффекта. Санитарные службы могли минимизировать только масштабы эпидемий, но не предотвращать их.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Государственный архив Витебской области (ГАВО). Ф. 2088. Оп. 2. Д. 1. Приказы, выписки из административных распоряжений германских военных властей и из газет.
2. ГАВО. Ф. 2848. Оп. 1. Д. 15. Приказы, распоряжения гебитскомиссара г. Глубокое.
3. ГАВО. Ф. 2848. Оп. 1. Д. 245. Приказы окружного врача г. Глубокое.
4. Государственный архив Минской области (ГАМО). Ф. 1542. Оп. 1. Д. 2. Переписка с отделом здравоохранения об эпидемиях.
5. ГАВО. Ф. 2088. Оп. 1. Д. 6. Приказы начальника Лепельского района.
6. Государственный архив Брестской области. Ф. 684. Оп. 1. Д. 4. Газеты, листовки, объявления немецких оккупационных властей за 1941—1944 годы.

7. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). Ф. 1344. Оп. 1. Д. 3. Перечень проступков и взысканий по ним.
8. ГАГО. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 2. Приказы по Добрушскому городскому управлению.
9. ГАМО. Ф. 1039. Оп. 1. Д. 50. Приказы начальника управы по основной деятельности и по личному составу и др.
10. Государственный архив Могилевской области (ГАМГО). Ф. 858. Оп. 32. Д. 2.
11. ГАМГО. Ф. 858. Оп. 1. Д. 26. Приказы по городскому управлению г. Бобруйска.
12. ГАМГО. Ф. 858. Оп. 33. Д. 89. Приказы по Бобруйскому городскому управлению.
13. ГАМГО. Ф. 858. Оп. 1. Д. 20. Приказы и распоряжения по городскому управлению Бобруйска.
14. Государственный архив Гродненской области (ГАГРО). Ф. 656. Оп. 1. Д. 8. Постановления о взыскании штрафа с граждан Новогрудского района.
15. ГАГРО. Ф. 610. Оп. 1. Д. 31. Заявления граждан на выдачу справок о социальном и материальном положении.
16. ГАГРО. Ф. 610. Оп. 1. Д. 29. Переписка с волостной управой по хозяйственным вопросам.
17. ГАМГО. Ф. 858. Оп. 1. Д. 18. Приказы и распоряжения городскому управлению Бобруйска.
18. ГАМГО. Ф. 858. Оп. 3. Д. 3. Приказы, распоряжения и руководящая переписка отдела здравоохранения.
19. ГАВО. Ф. 2074. Оп. 4. Д. 60. Переписка с Оршанской городской управой, Службой охраны порядка и др.
20. ГАМГО. Ф. 858. Оп. 3. Д. 4. Административно-хозяйственная переписка отдела здравоохранения с местной комендатурой и другими организациями г. Бобруйска.
21. ГАГРО. Ф. 660. Оп. 1. Д. 2. Переписка со Слонимской городской управой по хозяйственным вопросам.
22. ГАМО. Ф. 1613. Оп. 1. Д. 7. Приказы начальника управления, переписка с комендатурой о военнопленных и др.
23. ГАМО. Ф. 1613. Оп. 1. Д. 6. Приказы начальников окружного, районного и городского управлений, распоряжения коменданта города и др.
24. ГАМГО. Ф. 858. Оп. 1. Д. 21. Приказы, постановления, объявления и распоряжения городской управы и немецких властей.
25. ГАМО. Ф. 1566. Оп. 1. Д. 8. Переписка с Клецкой районной управой по хозяйственным вопросам.
26. ГАГО. Ф. 1336. Оп. 1. Д. 10. Распоряжения и указания волостному правлению.
27. ГАМО. Ф. 1566. Оп. 1. Д. 5. Переписка с Клецкой районной управой по хозяйственным вопросам и др.
28. ГАВО. Ф. 2841. Оп. 1. Д. 1. Приказы, распоряжения и указания Браславской и Миорской райуправы.
29. ГАМГО. Ф. 858. Оп. 1. Д. 30. Отчет о работе жилотдела, тюрьмы, штаба охраны и других учреждений Бобруйска и административная переписка по городскому управлению.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 24 верасня 2012 г.